

СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАВЛА ШКЛЯРЕВСКАГО.

*Смг
4485 ба.*

Bibliotheca
universitatis
Dorpatensis

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ВДОВЫ ПЛЮШАРЪ.

1852.

Мстн

*Editoris, Mich. Kutorze
donum. 1852.*

Сл. 4485 ба
СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАВЛА ШКОДРОВСКАГО

СТИХОТВОРЕНІЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство С. С. Смирнова

1884

Мад. 4485 ба.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПАВЛА ШКЛЯРЕВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи вдовы Плюшаръ.

1831.

Влад. № 82 во

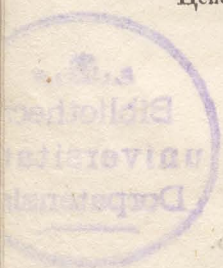
СТИХОТВОРЕНІЯ

ПАРВА ШІКІРЬСКАГО.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С. Пешербургъ, Іюня 21 дня, 1851 года.

Ценсоръ Сп. Сов. *Никита Бутырскій.*

6657

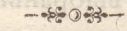
САНКЦІОНЕРЪ

Печатано въ Типографіи въ С.-Петербургѣ.

1851.

ПРЕДИСЛОВІЕ

ИЗДАТЕЛЯ.

Представляя Публикѣ стихопво-
ренія молодого поэта, еще нигдѣ не
напечатанныя, я долженъ сказать,
что единственною причиною изда-
нія оныхъ было желаніе сдѣлать
извѣстными опыты разцвѣтшаго
таланта, къ сожалѣнію слишкомъ
рано похищеннаго смертію для опе-
чешвенной музы. — Это самое же-
ланіе, доставившее мнѣ много приап-
ныхъ минутъ при началѣ сего пред-
пріянія, побуждало меня не щадить
трудоу при разборѣ множества

оставшихся послѣ него сочиненій и переводовъ — и при сравненіи различныхъ списковъ одного и того же стихотворенія. Но когда лучшія списки были выбраны и приведены въ порядокъ; когда узнаны были имена сочинителей при переводахъ, однимъ словомъ когда все было приготовлено къ изданію, я съ безпокойствомъ помышлялъ объ ономъ, не довѣряя самому себѣ и не надѣясь удовлетворить ожиданія читателей. Въ самомъ дѣлѣ ничего не можешь быть опаснѣе, какъ издавать новую книгу въ той странѣ, гдѣ уже есть образцы почти во всѣхъ родахъ поэзіи, но гдѣ нѣтъ еще общаго, образованнаго чувства изящнаго, и гдѣ пошлему гораздо болѣе ложной кри-

тики, нежели истинной лирической поэмы. Думая безпрестанно о послѣднемъ, я совѣщавался съ людьми опытными, знающими цѣну произведеніямъ словесности, и убѣжденный ихъ отзывами, я выдаю эти стихотворенія и ищу одного благожелательнаго вниманія.

Впрочемъ, если издамъ, соединенному дружбою съ авторомъ, позволено сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ и переводахъ послѣдняго, то онъ осмѣлится представить нѣкоторыя изъ оныхъ на ряду со многими хорошими произведеніями нашей словесности. Я называю хорошимъ только то, гдѣ высокая идея, облеченная въ разные виды игривой фантазіи, выражена обра-

зованнымъ, гармоническимъ языкомъ. Здѣсь необходимо также прибавить, что стихотвореніе должно быть нравственно, ибо напрасно будешь искашь поэзіи шамъ, гдѣ обрисовываются со всею роскошью богатаго языка сцены недостойныя даже обыкновеннаго разговора. — И къ несчастію въ новѣйшее время выходятъ у насъ много подобныхъ стихотворныхъ повѣстей и съ одобреніемъ принимаются публикою. — Разсмотримъ же теперь сочиненія Шкляревскаго, (копторыхъ къ сожалѣнію не много) и вы вездѣ найдете или высокую мысль, или чувство, въ выраженное языкомъ самымъ поэтическимъ; прочтите его стихи *къ Богу, къ другу, на новый годъ, къ товарища иъ,*

и вы удостоверитесь, что мои слова справедливы. — Даже въ *Кузль* — думъ, еще совершенно необработанной, чувство грусти выражено опличнымъ образомъ. Я не говорю о его переводахъ, копорые все съ лучшихъ писателей: изъ Гете, Шиллера, Байрона, Горація и проч. Такимъ образомъ чинапелю принадлежитъ книга, имѣющая хотя нѣкопорыя достоинства; мнѣ пріятно будетъ услышать приговоръ строгій, но справедливый; еще пріятнѣе было бы узнать, что труды мои признаны полезными.

Вопъ что я почисалъ необходимымъ сказать объ этой книгѣ; многіе изъ чинавшихъ стихотворенія Шкляревскаго желали также знать

и нѣкоторыя обстоятельства его жизни. Но исполняя ихъ желаніе, я скажу, что жизнь молодого человека, умершаго на 24-мъ году возраста, и еще не выступившаго на поприще гражданской дѣятельности, можетъ быть занимательно только для его друзей. — Онъ родился 1806 года, 15 Января, Полшавской губерніи въ городѣ Лубнахъ. — На 11 году своего возраста опвезенъ былъ въ Пепербургъ, гдѣ и воспитывался у своего дяди, и въ 1823 году опданъ былъ въ С. Пепербургскую Гимназію, въ это время учрежденную. — Во все время пребыванія въ Гимназіи онъ показывалъ шу дѣятельность души, которая въ послѣдствіи могла бы дославить по-

честное мѣсто между учеными Россіи. Этошъ періодъ его жизни еспь въ поже время и пиипической; большая часть переводовъ, шеперь издаваемыхъ, принадлежитъ къ этому времени. Еспь много его собственннхъ сочиненій тогда написанныхъ; они все носятъ на себѣ печать юношескаго порыва, но не имѣютъшой зрѣлости, которая опличаетъ позднѣйшія его спихопворенія, и пошому я рѣшилъ не печатать оныхъ.

Въ 1827 году онъ переведенъ былъ въ Императорскій С. Пепербургскій Университетъ, гдѣ и занимался предметами Философо-Юридическаго Факультета. — Въ пошъ же году въ Ноябрь мѣсяць, Императоръ Имяннымъ Указомъ приказалъ вы-

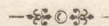
братъ изъ всѣхъ Рускихъ Университетовъ молодыхъ людей, и послѣ испытанія въ Академіи Наукъ отправивъ въ Университетъ Дерптскій, а потомъ въ Германію и Францію, дабы въ послѣдствіи занять кафедру въ Рускихъ Университетахъ. Шкляревскій, уже давно оплывавшійся своими знаніями, былъ позже выбранъ въ эпоху такъ называемый Профессорскій Институтъ, и 1828 года, Юля 15-го отправился въ Дерпт по части философіи. Здѣсь открылось новое поле для его умственной дѣятельности; богатая библіотека доставила ему многія средства для занятій, и онъ съ величайшимъ рвеніемъ старался о приобрѣтеніи новыхъ познаній; но это самое стрем-

леніе и было причиною его смерти. Опъ чрезмѣрнаго напряженія онъ получилъ чахотку и въ 1830 году 10-го Юля скончался, оплакиваемый всѣми своими друзьями и поварищами.

Такова была жизнь молодого поэта;— присоедините ко всему этому необыкновенную доброту души, пламенный патриотизмъ и желаніе быть полезнымъ своему Отечеству, но вы невольно объ немъ пожалѣете; если же такіа качества юноши ручающіяся за зрѣлость въ лѣтахъ возмужалыхъ, но объ немъ можно сожалѣть болѣе нежели только о молодомъ человѣкѣ.

Михаилъ Куторга.

§
MIGNON.

Ахъ ты знаешь ли край съ вѣчно юной весной ?
Гдѣ цвѣтеть апельсинъ и лимонъ золотой,
Гдѣ съ прохладою лѣта слить розъ аромать,
Гдѣ привѣтливо мирты и лавры шумять,
Ахъ, ты знаешь ли край сей ?

О еслибъ туда

Я могла, о мой милый, съ тобою летѣть !

Ахъ ты знаешь ли домъ ? тамъ колонны крутомъ,
Всюду мраморъ блестить, всюду злато горить ;
Истуканы стоятъ и глядятъ на меня :
Ахъ что стало съ тобою, что ты плачешь, дитя ?
Ахъ ты знаешь ли домъ сей ?

О еслибъ туда

Я могла, мой хранитель, съ тобою летѣть !

Ахъ ты знаешь ли гору подъ тучей и мглой ?
Муль въ туманъ бредеть по стремнинъ крутой ;
Тамъ драконы шипятъ ; и кипятъ и летятъ

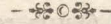
Со скалы на скалу водопада валы
Ахъ ты знаешь ли гору сію?

О, туда

Намъ дорога съ тобою, родитель! пойдемъ!

ЛАКИНЪ-И-ГЕРЪ.

Лакниъ-и-Геръ, или, какъ произносятся Шотландцы, Лох-на-Гарръ есть высокая гора въ Сѣверной Шотландіи близъ Инверполда. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ упоминаетъ о ней, какъ о высочайшей въ Велико-Британіи; не говоря о семь, замѣтимъ только, что гора сія есть самая живописная и величественная между Каледонскими Альпами. Видъ ея темнаго цвѣта, но вершина одѣяна вѣчными снѣгами. Близъ Лакниъ-и-Гера я (*) провелъ нѣсколько лѣтъ моей юности, и воспоминаніе о семь произвело слѣдующіе стансы.

I.

Сокройтесь отъ взоровъ, долины съ цвѣтами;
Картины садовъ и долинъ!
Пусть нѣги любимецъ пѣлняется вами,
Пусть любить васъ роскоши сынъ!

(*) Говоритъ Байронъ.

Отдайте мнѣ скалы, утесы крутые,
Гдѣ радости въ дебряхъ цвѣтуть,
Утесы престолы свѣговъ вѣковые,
Любви и свободы пріютъ!
Мнѣ милы твои, Каледонія, горы
И роица на скалахъ стреминны;
Плѣнительны рокоты грома и споры
Стихій вокругъ бѣлыхъ вершинъ;
Любно вознесенныя къ тучамъ громады,
Гдѣ вмѣсто ручьевъ, на скалахъ
Клубятся въ ущельяхъ, режутъ водопады:
Мечтаю о дикихъ лѣсахъ

Мрачнаго Лох-на-Гарра.

II.

Ахъ! тамъ моя юность въ тиши протекала,
Тамъ я по долину блуждалъ;
Шотландская шапка (*) главу покрывала
И вѣтеръ мой плащъ (**) развѣвалъ.
Бывало, въ спокойствіи роица угрюмой,
Средь черныхъ, обрушенныхъ пней,
Въ минувшемъ летая крылатого думой,
Будилъ я погибшихъ вождей....

(*) Bonnet, родъ колпака, который обыкновенно носятъ горные Шотландцы.

(**) Plaid, спанча.

И только тогда исчезало мечтанье,
Тогда я жилища искалъ,
Когда чуть блѣднѣло свѣтила мерцанье
На темъ нахмуренныхъ скалъ,
И въ Сѣверь ярко звезда золотая
Блестѣла сквозь дымъ облаковъ.
Какъ душу питалъ я, съ восторгомъ внимая,
Преданіямъ древнимъ сыновъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

III.

О тѣни умершихъ! Не я ль съ трепетаемъ
Вашъ голосъ громовый внималъ?
Не онъ ли сливался дубравѣ съ буневаньемъ
И съ вѣтромъ ночнымъ завывалъ?
Ахъ! вѣрно, несся надъ холмами родными,
Плывя надъ странною рединой,
Героя душа утѣшается ими,
Обрѣтши отраднѣй покой!...
Когда Лох-на-Гарра главу осѣняетъ
Ночь бурная чернымъ крыломъ,
Въ разцѣлинахъ дикихъ зима возсѣдаетъ
На тронѣ въ выпѣхъ ледяномъ:
Тогда облакаются тучами тѣни
Геросовъ и предковъ моихъ;
Они возлежатъ средь порывныхъ смятеній
На крыльяхъ бурьъ громовыхъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

IV.

Могущіе предки дышавшіе славою!
Несчастья и вась обрвали! (*)
Иль жребій плачевный среди съчи кровавой
Виднїя не предрекли?...
Ахъ! въ битвѣ Кулоденской пали Вы, дѣды!
Вы пали — огонь жизни угасъ,
И вамъ не гремѣли ни плески победы,
Ни славы торжественный гласъ!...
Но, предки, утѣштесь! — Вы счастливы шнѣ,
Вы раннимъ поконите спомъ,
Въ пещерахъ Бремара, (**) въ утромой пустынѣ,
Гдѣ токъ на утесъ крутомъ
Шумить и сверкаетъ подъ говоромъ елей...
О вашихъ безсмертныхъ дѣлахъ
Гласить и пѣсьнъ рога, (***) и звонкихъ свирѣлей
Звукъ, вторимый эхомъ въ лѣсахъ
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

(*) Здѣсь сочинитель разумѣетъ предковъ своихъ съ материнской стороны Гордоновъ; многіе изъ нихъ сражались за Принца Карла, известнаго подъ именемъ притязателя (Pretender).

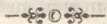
(**) Мѣсто въ Шотландіи; тамъ находится также замокъ Бремаръ.

(***) Bagpipe — особеннаго рода музыкальный инструментъ, употребляемый въ Шотландіи; онъ имѣетъ сходство съ нашею вольнкою.

V.

Мелькнули лѣта, Лох-на-Гарръ, но очами
Тебя не привѣтствовалъ я;
Мелькнуть и еще — но, быть можетъ, стопами
Не буду касаться тебя...
Хотя на чело твое холодной рукою
Природа не сыплетъ цвѣтовъ,
Но ты и безъ нихъ разцвѣтаешь красотою
Милый Альбїонскихъ луговъ!
О Англія! нѣтъ, не доставятъ отрады
Всѣ прелести роицъ твоихъ
Тому, кто взиралъ на сѣдья громады
Разбросанныхъ горъ ледяныхъ,
Взбирался съ трудомъ на крутыя стремнины,
Лѣснстыхъ холмовъ высоты,
Кто видѣлъ суровой природы картины,
Развалины скалъ — красоты
Мрачнаго Лох-на-Гарра!

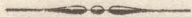
Ф І А Л К А.

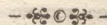
Гдѣ гибкій орѣшникъ сплетается съ ивой,
Фиалка подъ сѣнью вѣтвей
Цвѣтеть, помрачая красою стыдливой
Цвѣты и садовъ и полей.

Какъ нѣжно листочковъ лазурныхъ блистанье
Подъ каплей жемчужной росы;
Но видѣль я очи: нѣживъ ихъ сіянье
Сквозь чистую перлу слезы!

Едва загорѣлось дневное свѣтло —
И высохла въ листьяхъ роса:
Не долъй блестя въ очахъ моей милой
Разлуки печальной слеза.

ПЛАЧЬ ЯРОСЛАВНЫ.

Не голубки воркованіе
Разливается по рошницѣ:
Ярославны голосъ стелется
По стѣнамъ Путивля древняго.

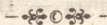
» Гдѣ ты Игорь — радость, счастье
Ярославны одинокія,
Какъ въ долину ландышъ влиущій?
Прилети веселой птичкою
На поля цвѣтущей родины,
Прилети въ мои объятія,
Осуши съ лица печальнаго,
Поцѣлуйте слезы горькія...
Ахъ! когда-бъ была я горлицей —
Полетѣла-бъ къ другу — голубю
Вдоль Дуная серебристаго;
Прилетѣла-бъ въ поле ровное —
Тамъ крыломъ любви невинныя
У шатра въ лугу муравчатомъ

Обняла бы Князя милаго!
Отерла бы раны горькія
Рукавомъ бобровымъ съ ласкою!...
Вътеръ, вътеръ! Что съ насиліемъ
Ввѣшь крыльями холодными?
Ахъ! зачѣмъ стрѣлу пернатую
Не отвѣдь ты отъ Игоря?...
Ахъ! зачѣмъ мое веселіе
Ты развѣять рѣзво по лугу
Вмѣстѣ съ листьями поблекшими?
Малолѣ горь крутыхъ — играть тебѣ
Съ облаками серебрястыми;
Корабли лѣтъя по морю
Ввѣть въ парусы игривые?...
Солнце свѣтлое, прекрасное!
Всѣмъ ты мило, всѣмъ прелестно ты,
Всѣмъ сердцамъ блестящъ ты радостью
На лазури неба чистаго!
Ахъ! зачѣмъ лучи каменные
Прошло на милыхъ воиновъ?
Лукъ засохъ унывшихъ ратниковъ,
Притупились стрѣлы острыя,
Щитъ и шлемъ покрыты пылію!...
Свѣтлый Двѣрь! Рѣка широкая!
Ты пробилъ сквозь горы каменныя
Путь въ предѣлы Половецкіе.
Ты лѣтъя Святославова
Ладіи — на бѣлыхъ парусахъ

Бѣлой, лебединой стаею
Разскваша поверхность водъ!
Ахъ! лѣтъя на зыбкахъ своихъ
Ты носи ко мнѣ любезнаго —
Дабы съ утренней денницею
Или съ мѣсяцемъ серебрянымъ
Мнѣ не лить съ тоскою, горестью
Слезъ па волны моря снлаго!...
Ахъ! когда бы знала бѣдная,
Что сразили друга — Игоря,
Не ходила бь къ морю синему!
Не мочила бы боброваго
Рукава въ слезахъ катящихся!
Не смотрѣлабъ въ даль пустынную,
Не бѣлнютъ ли тамъ парусы
Рѣзвыми вѣтромъ воздымаемы!
Не лила бы слезъ потоками
На песокъ, на камни хладные!»

КЪ ПОСТУМУ.

Eheu! fugaces, Postume, Postume,
Labuntur anni

Ахъ! Постумъ, Постумъ, какъ мечта,
Какъ сновидѣнiе, льта
Мелькають быстро за льтами.
О другъ! ни горькими слезами,
Ни благочестьемъ, ни мольбами, —
Ни чѣмъ не отвратить сѣднѣ,
Брюзгливой старости морщинѣ,
И смерти лютой, непреклонной.
Хотябъ ты каждый день рыдалъ
И предъ кумиромъ благовоной
Во храмъ ладанъ возжигаль;
Хотя бы триста закалалъ
Воловъ на олтаре Плутоу:
Слезамъ твоимъ, обѣтамъ, стону,
Безжалостный не внемлетъ онъ.
Имъ въ царство тѣней заточень
И трехълѣсный Герiонъ

И Тиций громомъ пораженный.
Тудажъ за брегъ рѣки священной
Тудажъ и нась въ чельвѣ
Умчитъ на вѣкъ отъ жизни брешной.
Всѣмъ — будь иль царь иль селянинъ —
Всѣмъ жребiй равный, путь одинъ.
Тудажъ, за брегъ рѣки священной,
Всѣхъ раноль, позднѣи Харогъ
Умчитъ на вѣкъ отъ жизни брешной.
Вотще со страхомъ убѣгаешъ
Кровавыхъ Марсовыхъ полей;
Вотще крылатою ладей
Подъ воемъ буръ не разскаешъ
Книжницъ Адриъ валовъ;
Вотще укрылся въ теплой сѣни,
Когда съ полудня вѣтръ осеннiй
Летитъ съ грядями облаковъ:
Увидишь мрачный мiръ Анда;
Гдѣ воды черныя клубить —
Струей льгнивою Коцитъ,
Узришь безславныхъ Данандъ,
Труды Сизифа-Эолида.
Оставишь нѣкогда лука,
Оставишь жатвы золотыя,
И Тибра пышные брега,
И пляски Граций полевыя;
Супругу милую, и садъ,
Гдѣ плещетъ свѣтлый водопадъ

И вьется ручеекъ кристалльнѣй;
Оставишь все — и за тобой
Одишь лишь кипарисъ печальнѣй
Послѣдуетъ на холмъ пустой,
И будетъ, вѣчно зеленѣя,
Оплакивать у Мавзолея
Столь быстротечнѣй жребій твой.....
И скромный домъ осиротѣетъ,
И расточитель овладѣетъ
Богатствомъ скопленнымъ тобой;
Опустошить все кладовыя,
Друзей на шумный ширъ сзоветъ;
Цѣдя въ Фіалы золотыя
Цекубски вина дорогія,
Небрежно на полъ разольетъ.

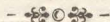
ВЪЯНІЕ

М. С. К.....

— ❁ ❁ ❁ —

Земля туманами одѣта,
Завяль цветистѣй, мягкѣй дугъ,
И ласточка, пѣвица лѣта,
Взвилась въ далекѣй, теплый Югъ.
Такъ радость жизни улетѣла,
Вспорхнулъ души небесный миръ,
И я угрюмъ, я мраченъ, сирь;
И грудь изныла, охладѣла,
Мечты отъ сердца далеки,
И мразь по жиламъ пробѣгаетъ.....
И только душу согрѣваетъ
Пожатые дружеской руки.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ.

Роса озаренная алымъ сияньемъ,
На пѣжломъ блеститъ василькѣ;
Картины цвѣтущей весны съ трепетаньемъ
Рисуются въ ясной рѣкѣ.

Прекрасны — источникъ, бѣгущій съ утеса,
И роща въ пурпурныхъ лучахъ;
И сладостенъ сонъ озященного лѣса,
Глубокій покой на поляхъ!

Прекрасна-златая звезда на огнистомъ,
Багряномъ краю облаковъ,
Кудрявая липа на холмѣ душистомъ
И риза цвѣтная луговъ!

Прекрасенъ въ долину кустарникъ зеленый,
Увѣчанннй прудъ тростникомъ,
И сладко журчащій ручей, осыпанный
Развѣсистой ольхи шатромъ!...

Все тихо! лишь иволги въ рощѣ стenanьe,
И звонкая трель соловья,
И гибкой осины листовъ трепетаньe
Сливаются съ плескомъ ручья....

О сколь восхитителевъ вечеръ весенннй —
Природы успувшнй видъ!
О какъ неизмѣнно любовь въ своей сннн
Сонмъ тварей союзомъ хранить!

О сколь ты премудро, Благнй и Всеснльной!
Для счастья миръ сотворить!
И розы долины — съ улыбкой умнльной
И сонмы горящихъ свѣтъль.

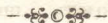
Ты двннешъ дсспнцей — и листь упадeтъ
На крыльяхъ Зефиръ съ кустовъ;
Ты двннешъ — въ пространствѣ небесъ изчезаетъ
Снстема плывущнхъ мнровъ!

П Л Я С К А.

Зри, как быстро четы волною игривой кружатся,
Чуть досязая земли рыво-крылатой стопой!
Тыли ли зрю я воздушныя, свергшія тѣла оковы?
Эльфы ль въ сіяньи луны светлою цѣпью плывутъ?
Какъ, зефиромъ колеблемый, дымъ струится летучій,
Словно въ сребристыхъ зыбяхъ легкой кольшется
челювь,
Скачеть, топочеть стопа подь сладостный ладъ пе-
релювь;
Рокоть, бряцаніе струнь живость вливають въ тѣла.
Вотъ, какъ будто стремясь расторгнуть цѣпь хоровода,
Тамъ, въ стѣннившійся рядъ мнитя отважно чета.
Быстро предъ ней разступается ходъ, пещеза за него;
Словно волшебнымъ жезломъ вдругъ ограждається
путь.
Мигомъ отъ взоровъ она потерялась; въ смитеніи
дикомъ
Гибнеть плывительный строй, двигаясь рушит-
ся мірь.

Нѣтъ, тамъ ликуя несется она; развивается узель;
Лишь въ измѣненной красѣ вновь учреждается чинъ.
Рушася вѣчно, низидется вѣчно, вращаясь, творенье;
Тайный законъ естества править игрой перемѣнъ.
Но отъ чего же, выцай, непрестанно зыблются лики
И въ движеньи существъ царствуетъ вѣчный покой?
Всеякъ владыка, свободенъ, лишь сердца внушенью
подвластенъ,
И скоротечно спынить общей, известной стезей?
Хочешь ли знать? То уставъ Гармоніи — мощной
богини:
Дружною пляской она буйный смиряеть скачокъ;
Какъ Немезида, златой сладкозвучья уздой укрощаеть
Дикую радость души, пылкой, кипящей восторгъ.
Или вотще для тебя рожочеть музыка вселенной?
Иль не чаруетъ тебя стройнаго дѣнья потокъ?
Ни восхитительный ладъ, согласіе чудное тварей,
Ни круговой хороводъ, плавно въ пространствахъ
небесъ
Свѣтлыя солны вращающій на поприщахъ, смѣло из-
вѣстныхъ?
Міры, хранимой въ игрѣ, въ дѣйствіяхъ ты не
блюдешь.

ДУМА ЗЛОДЬЯ.

Какъ въ морь бьется утлый чолпъ,

Такъ я волнуюсь страстью!

Какъ въ небесахъ ужасный громъ

По тучамъ пробѣгаетъ,

Такъ надъ моей главой гремитъ

Отмстительница-кара!

Ахъ яростныхъ судебъ удара

Никто, ничто не отразитъ...

Исчезну я — по преступленья

Пребудутъ въ вѣкъ позоръ людей!

И сладкій мѣръ успокоенья

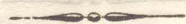
Найдешь въ обители тьней!

Ахъ, нѣтъ! мой гнусный прахъ истлѣетъ —

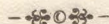
Но черной жизни моея

Дыханье смерти не развѣетъ:

Дѣла безсмертны, какъ и я. —

ДѢВА ИЗЪ ЧУЖБИНЫ.

Когда природа разцвѣтала

И ранній жаворонокъ пѣлъ;

Незапно дѣва посѣщала

Долину — пастырей удѣля.

Она родилась не въ долину;

Отколь гость, никто не зналъ;

Но лишь скрывалась, какъ въ пустынь

Слѣдъ дѣвы скоро исчезалъ.

Все въ ней влекло, обворожало

Лился восторгъ съ ея очей:

Но сердце мѣло, трепетало,

Благоговѣло передъ ней.

Она цвѣты, плоды носила,

Взлѣгящны въ странѣ иной,

Лучемъ не нашего свѣтила,

Не нашей красною весной;

И гости къ ней текли толпами,

И дѣва щедрою рукой

Дарила юношу цвѣтами!

Плодами старца надъ клякою;
И были всѣ той дѣвѣ рады;
Но для стыдливой четы
Хранились лучшія награды —
И всѣхъ румянѣ цветы. —

ПѢСНЬ ЛЮБВИ (*).

На новѣй 1830 годѣ.

Слова мы стеклись, о братія,
Всѣ въ одинъ семейный кругъ;
Снова теплыя объятія
Отверзаетъ другу другъ.
Соплетемъ же красной младости
Пѣсноишія вѣнецъ,
Освятимъ для горней радости
Храмы дольніе сердець!

Было время: одинокою
Каждый странствовалъ тропой,
Сквозь туманъ и глушь далекою,
Увлекаемый звездой.
Но Грядѣй незримо съ чадами
Слилъ пути въ единый путь:
Взгляды встрѣтились взглядами
И къ груди прижалась грудь.

(*) Читано въ собраніи профессорскаго Института,
при празднованіи Нового года.

Духомъ втайнѣ прореченное
Въ милый образъ облелось,
И свѣтило вождѣленное,
Всѣмъ единое, зажглось.
То свѣтило незакатное
Мы любовію гласимъ :
Чье-то око благодатное
Въ наше сердце смотритъ имъ.

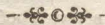
Какъ отъ странъ грѣхопаденія,
Гдѣ земный отцвѣлъ эдемъ,
Вѣстникъ шествовалъ спасенія
Къ яслямъ Бога въ Вифліемъ
И, колеблясь утѣшительно,
Разливалъ нетлѣнный свѣтъ ;
Полны радости живительной,
Мудрецы текли во слѣдъ :

Такъ изъ брѣннаго отечества,
Гости міра, мы грядемъ
Къ колыбели человечества
Въ невѣтпающій эдемъ
Вихремъ дни за днями рвутся,
Молніей мелкаетъ годъ
Скоро, скоро! . . . мраки съются . . .
Утро! . . . Путники, впередъ!

Дышитъ въ лица распаленныя
Намъ разсвѣтныи вѣтерокъ,
Рѣсы путь кропятъ студенныя,
Розами горитъ востокъ
И внезапно въ блескъ велиемъ
Станеть вождь верху гробовъ,
И взываемъ мы веселемъ
И въ убогій впадемъ ровъ.

Ахъ! тамъ солнца пренебеснаго
Возсіяетъ полный ликъ!
Меркнетъ ока лучъ тѣлеснаго,
Цѣпещеть нашъ языкъ!
Но еще мы зъѣсь, о братія!
Нась земный стѣняеть кругъ!
Пусть же въ теплыя объятія
Заключаетъ друга друга!

СПОКОЙСТВИЕ.

Холмится бурей водъ равнина,
Кипятъ валы, реветъ пучина
И звездъ сопутницъ меркнеть свѣтъ.
Пловецъ трепещеть утрашенной,
Блѣднѣетъ — и мольбой ширеной
Съ небесъ спокойствіе зоветъ.
Герой въ пылу кипящей брани
Страшится блещущихъ мечей,
Вздыхаетъ, и подъемля длани,
Зоветъ покой душѣ своей.

Но лишь желанія свершились,
Лишь бурны ветры укротились,
Вновь моря зыбь пловецъ браздитъ.
Недавнимъ боемъ утомленный
За лаврами, за новой славой
Герой опять на смерть спынитъ.
Спокойствіе, тебя желаю
И въ часъ, когда тебя бѣжимъ!
Съ тобою смерть мы презираемъ
И отъ тебя — къ тебѣ жъ летимъ.

Здѣсь Царь на ложѣ позлащенномъ:
Безмолвно, въ трепетъ священномъ,
Окрестъ не дремлетъ воевъ строй,
Но царь боязню томится,
Онъ стонетъ; ночь во вздохахъ длится —
И надъ вычашною главой
Не вѣетъ сладкій сонъ крилами;
Отъ томныхъ вѣждъ покой бѣжитъ;
Царь бдитъ еще, когда лучами
Денница горѣ верхи златитъ.

Тамъ пастырь на коверъ зеленый
Безпечно простираетъ члены;
Какъ лугъ, дуна его ясна,
Гдѣ лишь зѣфиръ въ листахъ играетъ
И въ перловой росѣ сверкаетъ
Сіяньемъ брежжущимъ луна.
Не движутъ сердца въ немъ заботы;
Ни замыслъ суетный, ни страхъ
Не возмутятъ его дремоты:
Онъ зритъ Дориду и въ мечтахъ.

Покой летитъ отъ водъ бурливыхъ;
Летитъ отъ замковъ горделивыхъ;
Летитъ отъ славы и чести;
Отъ сонма ратниковъ несется;
Тиранновъ лютости смѣется;
Безцвѣтный діадимъ царей —

Онь любить жить въ семьѣ невинныхъ,
Простосердечныхъ пастуховъ ;
Въ укромныхъ шалашахъ пустынныхъ,
На брегѣ свѣтлыхъ ручейковъ.

Когда еще при чистыхъ прудахъ
Блуждали пастыри въ дубравахъ,
Цвѣло довольствіе и миръ ;
Средь роищъ вѣрность обитала,
Душа корысти не алкала,
Не вѣдомъ былъ похвалъ кумиръ.
Жизнь пастыря утѣхи днли ;
Являлась смерть какъ милый другъ ;
Стада — его народы были,
Чертоги — куца, царство — лугъ.

Отъ хищныхъ взоровъ скрыто мглою,
Жельзо спало подь землею
И злато, пагубный металлъ.
Не обнажался мечъ блестящій,
Трубы военной гласъ гремящій
Сердечь на бой не воспалялъ.
Кровавыхъ браней вихрь бурливый
На мирныхъ долахъ не шумѣлъ,
Пастухъ цѣвнищю игривой
Еще любовь и дружбу пѣлъ.

Но измѣнился ликъ природы :
Любви, соглася, мира годы
Какъ сонъ прелестный утекли.
Время владычица блаженныхъ,
Навѣкъ отъ смертныхъ развращенныхъ,
Сокрылась Истинна съ земли ;
И ей во слѣдъ вспорхнулъ гонимый
Мечемъ и золотомъ, покой :
И только мудрецу незримо
Онь возвращасть вѣкъ златой.

Тщеть кто вѣпо не склоняеть ;
Для жизни — смерть воспоминаеть,
Для смерти — въ правдѣ жизнь блондетъ.
Согласный съ міромъ и съ собою,
Не бременить небесъ мольбою :
Въ немъ, что другой отъ неба ждетъ.
Едина доблесть насъ возносить,
Мзду токмо въ ней мы обрѣтемъ,
Тотъ кто, стяжавъ вѣнецъ, отброситъ,
Какимъ украсится вѣнецъ ?

Тотъ истый царь, кто правъ душною,
Кто страсти оковалъ уздою,
Кто въ очи смерти хладно зреть.
Въ немъ тотъ же духъ подь небомъ чистымъ,
Или когда покровомъ мгlistымъ
Свѣтило дня гроза мрачить.

Пусть рухнет волей провидья
Ось міроданья надъ главою,
При грозномъ трескѣ разрушенья
Не возьмется онъ душой.

Земля, вращаясь круговою
Творцемъ начертанной стезею,
Обрицетъ въ пламени конецъ.
Печезнуть звездъ несметныхъ хоры,
Раздастся вопль: обрушиться горы!
Но не восплачется мудрецъ.
Треща сводъ неба сокрушится,
Луны и солнца смеркнетъ свѣтъ.
Вновь Хаосъ ветхій воцарится:
Господь восхоцетъ — міръ преидеть.

Что зрю я? Мраки расточились!
Что зрю я? Солнцы воспалились
И новыхъ сферъ катится строй!
Се! громъ трубы къ суду зываетъ —
Расгорлась ночь — церуль сверкаетъ!
О мудрость, се зрю образъ твой!
Ты истины друзей стремилъся
Отвлечь отъ яростныхъ громовъ;
Ты дланъ прострешь имъ и помчишься
Сквозь лучезарный кругъ міровъ.

ДРЕВНЯЯ

ГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

— ❀ ❀ ❀ —

I.

Шествуйте, Еллиновъ чада!
Бранное время пришло!
Не мыль свободы ограда?
Мы ли понизимъ чело?
Явмся мстью отчизны,
Свергнемъ тиранства яремъ;
Не опозоримъ сей жизни!
Други, сразимъ или умремъ!
Къ мечамъ; сыны свободы! въ бой
Съ свирѣлыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой,
Самихъ попремъ стопами!

II.

Спарта, ты спишь — и оковы
Грудь бременять: о, воспрянь!
Клики Аэинамъ: » почто вы
Дремлете! Идемъ на брань!
Пусть на семь подвиговъ смѣломъ
Будеть и жезлъ вашъ и щитъ
Доблль душою и дѣломъ
Храбрый герой — Леонидъ!

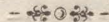
Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бой
Съ свирѣлыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой,
Самихъ попремъ стопами!

III.

Вспомните: оны Оермоны
Своею славою огласилъ;
Персовъ несмѣтныхъ силы
Съ горстью своихъ сокрушилъ,
Отдать свободѣ священной
Радостно жизнь оны свою,
Храбро, какъ левъ разъяренной,
Палъ на кровавомъ бою.

Къ мечамъ, сыны свободы! Въ бой
Съ свирѣлыми врагами!
Прольемъ ихъ черну кровь рѣкой!
Самихъ попремъ стопами!

ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ.

Оставляю кровь безцвѣнный,
Гдѣ цвететь моя любовь,
И бреду, уединенный,
Въ глубь таинственныхъ лѣсовъ.
Мѣсяцъ дубы осребряеть,
Зефиръ дышетъ по цветамъ
И съ березъ густыхъ свѣаетъ
Надъ полянкой финнамъ.

О, съ какимъ восторгомъ сладость,
Нѣгу лѣтней ночи пью!
О какъ быстро летятъ радость
Въ душу грустную мою!
Сердце бьется чаще, чаще...
Но съ любезною моею
Ночь одна, прелестнѣй, слаще
Тысячи такихъ ночей.

МЛАДЕНЧЕСТВО.

Гдѣ вечеромъ осина
Трепещетъ надъ прудомъ,
Гдѣ омиамъ ясмина
Развѣивъ вѣтеркомъ :
Съ калиткою плетеной,
Рисуясь въ лонѣ воды,
Вкругъ хижины смиренной
Укромный садъ цвѣтетъ.

Отъ бурнаго волненья
Слышу къ тебѣ назадъ
Подъ кровъ успокоенья,
Родимый тихій садъ !
Привѣтствую съ слезами
Вась, холмы и поля,
Гдѣ, радостными дьями
Текла весна моя !

Вотъ мрачныя березы,
Спокойствія пріютъ ;
Сія града, гдѣ розы
Съ гвоздиками цвѣтуть ;
Сей съ желтою крапивою
На кровль мохъ съдой ;
Колодезь ; говорливый
Источникъ подъ травой ;

Рядъ ульевъ : пчель жужжанье,
Калитки ветхой скрипь,
Голубокъ воркованье
И шопоть древнихъ лиць :
Все здѣсь краснорѣчиво,
Все въ душу сладость льеть,
Все юности счастливой
Дни сердцу отдаетъ !

О ты, чей жезль свергаетъ
Съ минушнаго покровъ,
Чей голось вызываетъ
Изъ гроба рядъ вѣковъ,
Мечта ! укрась цвѣтами
Былыхъ восторговъ слѣды
И озари лучами
Трошнику майскихъ льтъ.

Зрю дубы въковые
Брегъ шелковый ручья,
Гдѣ ощутилъ впервые
И грусть и радость я;
Поляну подь горою,
Гдѣ, у сребристыхъ водъ,
Подь звукъ рожка, весною
Кружился хороводъ;

Засѣку, гдѣ какъ Флора,
Лилета, цвѣтъ села,
Фиалки для убора
И ландыши рвала;
И прудъ, гдѣ я рѣзвился
По значнымъ берегамъ,
Когда мой флотъ носился
По зеркальнымъ струямъ.

Здѣсь, гдѣ колосья нивы
Волнуетъ вѣтерокъ,
Овсянокъ въ чащѣ нивы
Мой обольщала слюнокъ,
Тамъ въ рощицѣ тѣнистой
Я нвольтъ внималъ,
Тамъ на травѣ цвѣтистой
Изъ вѣтвей воздвигалъ

Прохладные палаты
Въ кустахъ, у ручейка;
Здѣсь съ трескомъ змѣй крылатый
Летѣлъ подь облака;
Тутъ на коврѣ зеленомъ
Гонялъ я мотыльковъ;
Тамъ пчелы подь мшистымъ кленомъ
Вѣнки изъ васильковъ.

Вотъ школа съ повеликою
Площъ вѣтся по стѣнамъ:
Здѣсь грозный дякъ — владыкой
Міровъ казался намъ.
Тамъ у пруда, подь тѣнью
Дубовая скамья,
Гдѣ лѣтъ въ *Воскресенье*
Каталъ съ друзьями я.

Вотъ яворовъ подь сѣнью
Кладбище, рядъ могиль:
Здѣсь, преданъ размышленью,
Я при лунѣ бродилъ,
Бесѣдовать съ гробами,
Ихъ тайный гласъ внималъ —
И съ жаркими слезами
Крестъ матери лобзаль;

Помость, гдѣ посѣдлой
Герой, на костыляхъ,
Съ улыбною веселою
И съ пламенемъ въ очахъ
Про лѣтъ старинныхъ славу
Повѣствовать любилъ,
Про Рымникъ, про Варшаву
И гордый Измаиль.

Гумно, гдѣ подь игривой
Звонъ цитры, межъ сноповъ,
Съ подругою стыдливой
Въ вѣнкъ изъ васильковъ
И классовъ, жнецъ прелестный,
Какъ юный Фавръ, плясалъ;
И хоръ селянъ окрестный
Цереру воспѣвалъ.

Вотъ на лугахъ зеленыхъ
Душистыя скирды
И мѣльницъ окриленныхъ
Веселье ряды;
Озерко межъ кустами,
Гдѣ зыблется тростникъ
И плещется струями
Порхающій куликъ.

Вотъ холмъ: съ зарей багряной
Здѣсь жавронокъ трещилъ;
И гулко надъ поляной
Пастухъ въ рожокъ трубилъ.
Въ долину, подь роши,
Гдѣ соловей свисталъ,
Подь кровомъ лунной нощи
Быль мой оеатръ и бальнякъ.

Клубъ радужныя пѣны
Быль краше и свѣтлѣй,
Чѣмъ пурпуръ многоцвѣтнй
И перлы богачей.
Бесѣдка, гдѣ я крылся
Въ полдневный сѣльный зной,
И въ забытѣи стремился
Въ волшебный мѣръ мечтой.

Тамъ зрѣлъ я окриленныхъ
Змей, дынущихъ огнемъ,
И карликовъ зеленыхъ
Съ алмазнымъ копьемъ.
Прудъ-океанъ сердитый,
Шалашь — быль замокъ фѣй,
Вѣтвь — конь златокопытый,
Волшебникъ — соловей.

Тогда, заботъ не зная,
Какъ ландышь полевой
Я росъ, благословляя
Завидный жребій свой ;
И дни мои златились
Веселіемъ однимъ,
И слезы не катились
Въ желаньи видѣть Римъ,

Рафаеля картины,
Швейцаринъ снѣга,
Неаполя долины
И Рейнскіе брега ;
Ихъ замѣняли : злачный
Пригорокъ иль лужокъ,
Фиалки, ключъ прозрачный
И желтый мотылекъ.

Ахъ ! если вспомню младость,
Всю прелесть игръ златыхъ,
Невинность сердца, сладость
Восторговъ молодыхъ ;
Сколь тяжко воздыхаетъ
Грудь томная моя !
Такъ вѣтеръ колышетъ
Зыбь гладкаго ручья.

Ахъ ! быстро улетѣли,
Вы, дни весны моей !
Отъ мирной колыбели
До гробовыхъ дверей
Что съ вами, что сравнитеся ? ...
О благо свѣтлыхъ дней !
Слеза моя катится
Неволью изъ очей !

О родины долины !
Вы, холмы, вы, дуга !
Ахъ, Альповъ ли вершины,
Пеня ли брега,
Иль рощи Кашемира
Замѣнять васъ собой ?
Тебя, обитель мира,
Невинности святой ?

На снѣжныя стремнины
Въ предѣлы чуждыхъ странъ,
На бурныя пучины
Въ свирѣпый океанъ,
Въ пріютъ уединенья,
Ко мнѣ въ мечтахъ златыхъ,
Глаголы утѣшенья
Летятъ съ полей родныхъ.

Когда не озаряет
Мглу ночи ликъ луны,
И эхо повторять
Мой стоишь средь тишины;
Съ небесъ отчизны льется
Ко мнѣ покоя лучъ:
Такъ алая смѣется
Денница послѣ тучъ.

Бразды моря ладейю
Какъ Магелланъ и Кукъ;
Безвѣстною стезею
Пройди во храмъ наукъ;
Виждь ликъ твой изваянный
Во мраморъ, въ мѣди;
Спи, нвгой обаянный,
Киприды на груди;

Державъ, племень властитель,
Правь думами царей;
Будь Перу повелитель;
Голкондою влады;
Всѣ лавры, всѣ короны
Владыкъ земныхъ стяжай;
Всѣмъ тѣмъ сияють троны,
Единый ты сій!

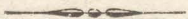
Ахъ! тщетно! Рой жужжащий
Забогъ летить съ тобой;
Вездѣ: въ чертогъ блестящій,
Въ моря, въ кровавый бой!
Звучитъ весельемъ лира
Но гдѣ мечты твои?
Ахъ въ свѣтлый кубокъ пира
Слезъ точатся струи.

Ты презрѣть шумъ военный:
Тоска мрачить твой взоръ;
Безсмертьемъ озаренный,
На льды Альпскихъ горъ
При плескахъ ты восходишь:
Но скорбь — тебѣ во стѣдъ,
И счастья не находишь
Средь лавровъ и побѣд!

Почто же, въ дальни страны —
Безумные летимъ?
Изплававъ океаны
Себя ли убъжимъ?
Ахъ! счастье насъ лететь
Лишь въ родинѣ свѣтой,
Дыханье мира вѣтъ,
Вкругъ юности одной!

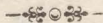
Какъ роза молодая,
Какъ зеркало ручья,
Какъ радуга златая,
Прелестны дни ея!
Съ невинностью играетъ
Богъ времени съдой,
Но ей не развиваетъ
Священный свитокъ свой.

Ахъ! Стикса брегъ ужасный —
Брегъ нашихъ всѣхъ страстей;
Блеснетъ лишь Вesperь ясный —
Конецъ мечтамъ дѣтей!
Нась туча устрашаетъ:
Невинность межъ цвѣтовъ
Съ улыбкой засыпаетъ
Подъ рокотомъ громовъ!

КЪ ДРУГУ,

(во время грозы).

Пусть съ ужасомъ блѣднымъ порокъ боязливый
Въ ущелія темныхъ вертеповъ летитъ,
И мнѣнья трепещетъ судьбы справедливой,
Что въ пламенныхъ тучахъ по небу паритъ.

Съ высоту осенняя мощной рукою,
То бурю кротящей, то вержущей громъ,
Стоитъ, какъ въ сияннн дня подъ грозою,
Ослабляя Дობлестъ съ подъятымъ челомъ.

Въ перунахъ, съкущихъ померкшіе своды,
Въ борющихся вихряхъ, въ стенаннн дубровъ,
Ей слышатся тяже глаголы природы,
Какъ въ шорохъ зыблющихся злакъ ветерковъ.

Изрыто премьнами поприне света ;
Несчетно вьется на ономъ путей ;
Но вьчна одна провидьня мьта :
Вьются стези — и сливаются въ лей.

Всеобщее благо равно пламеньетъ
Въ свѣтилахъ, надъ сишимъ эфиромъ горить ;
Какъ въ розъ нагбенной росю алетъ,
Иль въ пѣжныхъ маиновки треляхъ звучить.

Во вѣкъ да не тмить, о мой другъ не забвенный,
Души твоей свѣтлой, мечтательный страхъ :
Эгидой ума отъ тебя отраженный
Пускай онъ гнѣздится въ растльныхъ сердцахъ.

Да нежно хранить тебя горня сила,
И дни твои въ радужномъ блескъ текутъ ;
Да Ангелы окрестъ лазурныя крыла,
Какъ свѣцъ надъ главою твоей распрострутъ.

Когда по безбрежнымъ лучинамъ творенья
Последнй прокатится рокоть громовъ ;
Разстронитъ согласныя звѣздъ пѣснопѣвца,
И мертвыхъ воздвигнетъ подъ склепомъ гробовъ :

Спокойно да узришь съ отрадой священной,
Конечную бурю, сквозъ вихри огня,
Сквозъ пепель и дымъ, по обломкамъ вселенной
Ведущую въ свѣтъ невечерняго дня !

КЪ МЕЛЬПОМЕНЪ.

Quem tu, Melpomene, ...

Кто пѣжный и ласковый взоръ Мельпомены
Привѣтствовалъ первой улыбкой очей:
Того не украситъ листъ дуба зеленый
На играхъ Истмійскихъ; не узритъ Алфей
Его колесницы; и прахъ воздымая
По звонкому полю столпомъ отъ копытъ,
Соперниковъ гордо вдали оставляя,
Конь быстрый къ побѣдѣ его не примчитъ;
Увѣчанный лавромъ, съ корыстью военной,
Поправши кичливость крамольныхъ владыкъ,
Не вступитъ герой въ Капитолій священной,
Внимая народные плески и крикъ: —
Но въ Тибуръ смирномъ, въ объятяхъ свободы,
Кудрявые рощи и зелень луговъ
И тихихъ ключей свѣлоструйныя воды
Вдохнуть въ него къ сельской цѣвницѣ любовь.

Вселенной властителя чада, квинты,
Плѣняются лирой моею; я вступилъ
Въ любимыя хоры пѣвцовъ знаменитыхъ,
И зависти стрѣлы сей щитъ притушилъ.
О муза, лиющая рзвою игрою
Волшебные звуки по арфамъ златымъ,
Ты, властная дать прихотливой рукою
Гласъ лебедя сладостный рыбаць пѣньмъ!
Твой даръ, о Богиня, твой даръ, что повсюду
Въ устахъ повторяется имя мое:
Что въ дальнемъ потомствѣ забыть я не буду,
Что правилось при жизни (коль правилось) — твое!

С Т А Н С Ы.

М. С. К.—Ъ.

Не сбывись мечтанья младости,
Сны златые майских дней!
Не цвѣтуть мнѣ въ жизни радости
Нить утѣхъ душъ моей!

Закатилось солнце ясное
Озарявшее мой путь;
И небесное, прекрасное,
Хладную не грѣеть грудь.

Не пльняеть даль картинами,
Чувство славы умерло,
И улыльми морщинами
Обложилось чело.

Мучусь грустью безотрадною,
Ахъ! я гивъ судьбы позналъ!
Рано опытъ дланью хладною
Сердце бѣдное сковалъ.

Лишь одного тихой лирою
Услаждаю злой недугъ;
Лишь не сирѣ душою сирюю —
Близъ тебя, мой милый другъ!

МОГУЩЕСТВО

П Ъ С Н О П Ъ Н І Я .

Какъ ярый громъ, изъ щелей горныхъ
Грядетъ потокъ, сыгъ грозъ и льдовъ ;
Кружатся скалы въ хлябахъ черныхъ,
Могучесть вержется дубовъ ;
И мѣветъ путникъ и трепещетъ,
Падущихъ ревомъ водъ пыльных ;
Онь слышитъ : валъ съ утеса хлещетъ,
Но гдѣ, не вѣсть, зачался онъ ;
Такъ пѣснь клубится быстротечно
Изъ темной глубины сердечной !
Завѣту страшныхъ силъ причастный,
Винощихъ втайнѣ жизни прядъ,
Кто отразитъ пѣвца всевластный
Глаголь ? кто сломитъ чаръ печатъ ?
Какъ Эрмій, души упасаецъ
Необоримымъ онъ жезломъ :

То въ царство смерти погружаетъ,
То мчитъ горь въ надзвездный домъ,
То въ синевахъ подь облаками
Ширяетъ стройно лебедями.

Когда ликующихъ въ средину,
Ужасный великанъ, порой
Таинственно, духовъ по чину,
Неслышной видетъ Рокъ стопой :
Пришельцу отъ илаго міра
Челомъ земныя чести бьютъ,
Кимвальный звонъ и говоръ шпра
Замретъ, личины въ прахъ падутъ,
И исчезаютъ лжей творенья
Отъ мощной правды мановенья.

Такъ, рокоть струиъ внемля призывный,
Вмигъ отрясаецъ перстъ суетъ
И, облеченъ въ санъ духа дивный,
Къ безсмертнымъ смертный въ ликъ грядетъ ;
Онь въчныхъ слово чтитъ скрижалей,
Земная власть предъ нимъ молчитъ,
Ни шумъ заботъ, ни стоиъ печалей
Къ безстрастному не долетитъ ;
Святымъ горящій вдохновеньемъ,
Онь надъ судьбой стоитъ и тльнемъ.
И какъ, по грусти безнадежной,
По черныхъ спротства годахъ,
На сердце родней, каеяъ ижно,
Въ горячихъ сыгъ падетъ слезахъ :

Такъ дѣтства къ снямъ пѣснь родная,
 Невинности въ блаженный садъ,
 Изъ дальня чуждыхъ правобъ края
 Приводить былеца назадъ,
 Да чистой вкусить вновь свободы,
 Согрѣтый у груди природы.

МОГИЛА.

Сладко спать въ гробъ мягкомъ, дерновомъ!
 Мракъ и безмолвіе тамъ!
 Онь застилаетъ чернымъ покровомъ
 Міръ незнакомый сердцамъ.

Въ издрахъ могилы не раздается
 Нѣжная пѣснь соловьевъ;
 Съ томнымъ журчаньемъ въ зелени вьется
 Чистый ручей межъ цвѣтовъ.

Вѣрная дружба свѣжя розы
 Сыплеть съ любовью на мохъ;
 Тщетно на камень катятся слезы;
 Тщетно уныный вздохъ

Къ милому другу въ гробъ посылаютъ
 Юныя дѣвы весны!...
 Вопли младенцевъ не долетаютъ
 Въ край безответной страны!...

Гдѣ же въ сей жизни сладостный, милый —

Гдѣжь обитаетъ покой? . . .

Ахъ! лишь вратами мрачной могилы

Входимъ мы въ край золотой! . . .

Сердце колеблеть бури въ сей жизни:

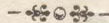
Въ ней лишь несчастье одно!

Сердца миръ сладкій — въ лютъ отчизны,

Тамъ, гдѣ не бьется оно! . . .

Д Ъ Т С Т В О .

Пурпуромъ пылаеть
Облаковъ гряда;
Ласково сіяеть
Вечера звезда;
Нѣжной Филомелы
Льется въ роцѣ трель;
Въ хороводъ веселый
Нимфъ зоветъ свирель:
Ахъ! Въ сей часъ отрады
Устремляю я
Горестные взгляды
Къ вамъ — утѣхъ семья,
Радости бльвля,
Счастья привѣтъ,
Игры золотыя —
Прелесть Майскихъ лѣтъ.

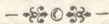
Сумракъ разступился,
Надъ рѣкою боръ
Черный озарился;
Сквозь туманный флеръ
Вновь луна сверкаетъ
Перлами лучей:
Такъ порой слетаешь
Мракъ съ души моей, —
Въ часъ, когда блистая
Прелестно дня
Гостя неземная
Посвятить меня,
Нѣжно улыбнется
Словно дочь весны, —
И опять сольется
Съ мною старины.

Сколь прелестенъ въ бѣлой
Ризѣ и въ вѣнкѣ,
Съ розой облетьюй,
Съ лилей въ рукѣ,
Мирный смерти Геній;
Дѣтства милый братъ,
Чистыхъ наслаждений
Красящій закатъ!
Юность насъ пльняеть
Какъ зари восходъ;

Какъ сквозь дымъ мерцаетъ
Ночь съ толпой заботъ;
Тамъ въ странѣ прекрасной
Чище дня разсвѣтъ,
За денницей ясной
Вечеръ не придетъ. —

ВЪ АЛБОМЪ КЪ СЕСТРЪ.

Когда бы далъ мнѣ Аполлонъ
Волшебный, сладкій гласъ Орфея :
Восторгомъ чистымъ пламенья ,
Взлетѣлъ бы я на Геликонъ —
И тамъ , надъ свѣтлыми струями ,
Возсѣвъ на элачный дернъ подъ тѣнь ,
Я громозвучными стихами
Воспѣлъ бы сей священный дѣль !
Но мнѣ безвѣстно вдохновење ,
Мнѣ не сіяеть Феба свѣтъ ;
Лишь изрѣдка воображење
Стремить къ высокому полетъ ! . . .
Прими-жь простое изліяње
Моей чувствительной души :
Какъ лилія , благоуханье
Лія вокругъ , цвѣтеть въ глуши ,
Цвѣти ты здравіемъ , красою !
Да вѣкъ душа твоя не вянетъ ,

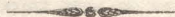
Но быть во вѣки не престанетъ
Какъ утро мая — весела.
Надежда вѣкъ да не забудетъ :
» Я счастье , радость — всѣхъ сердце ! «
Вся жизнь , скажу я наконецъ ,
Вся жизнь твоя всегда да будетъ
Плѣнительна , какъ роготъ струй ,
Свѣтла какъ ручеекъ прозрачный ,
И сладостна какъ первый брачный —
Сердце спляше — поцѣлуй !

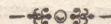
Б О Г У.

Тому ли, кѣмъ Альпы взнесенны къ звездамъ
Сквозь тучи, орканамъ смѣясь и громамъ,
Глядятъ на бѣгущіе вѣки,
Тому-ль орошенные потомъ, въ пыли,
Исторгнувши мраморъ изъ сердца земли,
Вы зиждите храмъ, человекѣ?
Воззрите горь! Не въ чертогъ ли святой
Скрупляется небо, гдѣ онъ лънотою
И славою въ солнцахъ сіяетъ?
Что тѣнна обитель предъ вѣчнымъ Творцомъ?
Онъ былъ, онъ пребудетъ: ее же крыломъ
Летащее время стираетъ!
Взираемъ! Паритъ мірозданія Царь
На крыльяхъ грозы, но стоитъ нашъ Олтарь,
Куря оніамъ Всеблагому,
Кто пѣждо и дольніе терны раснитъ,
Кришъ сильный питаетъ и влагу даритъ,
Какъ морю, ключу луговому.

П Ъ В Е Ц Ъ.

Чей гласъ звучитъ тамъ, слышу я,
У моста предъ вратами?
Пусть снова въ залѣ пѣснь сія
Раздастся передъ нами!
Такъ Царь вѣщаль — и пажъ летитъ,
Явился пажъ, царь говоритъ:
Впуститъ въ чертоги старца!
Привѣтствую тебя, соборъ
Героевъ и прелестныхъ!
Что зрю? Се звездъ несметный хоръ!
Се вождь свѣтлыхъ небесныхъ!
Се красоты и славы храмъ!...
Закройтесь, очи! итъ, не вамъ
Въ семь храмъ наслаждаться!
Пѣвецъ склонилъ на арау взглядъ;
Зарокотали струны —
И души рыцарей кнпять,
И млыють дѣвы юны.

Умолкь. Доволенъ Царь игрой,
И цѣпью повелѣльъ златой
Украсить выпо старца.

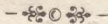
Не мнѣ златую цѣпь сію!
Цѣпь — рыцарямъ могучимъ:
Предъ ихъ лицемъ — мечи въ бою
И кошій лѣсъ дремучій;
Цѣпь канцлеру златую дай:
Подъ бременемъ заботъ — пускай
Еще златое носить.

Какъ птица на вѣтвяхъ пою;
И птицѣ пѣснь — ограда;
И пѣснь моя — за пѣснь мою
Богатая награда.
Просить дерзну ли объ одномъ!
Вели кипящую виномъ
Поднести златую чашу.

Онъ взялъ и осушилось дно:
О, нектаръ — сердца сладость!
О, благо дому, гдѣ вино
Последняя есть радость!
При счастья вспомните пѣвца,
И восхвалите такъ Творца,
Какъ я васъ восхваляю.

КЪ ГРОСФУ.

Otium Divos rogat. . .

Пловець о поковъ Боговъ умоляетъ,
Когда воздымаяся волны шумятъ,
И грозная туча луну помрачаетъ,
И вѣрныя звезды во мглѣ не горятъ.

Сынъ Оракинъ храбрый, воспитанный въ брани,
Персъ гордый, искусный въ метаніи стрѣль,
Возносятъ къ покою молящія длаи;
И дикимъ пріятель покоя удѣль.

За камни драгіе, за пурпуръ, за злато
Спокойствія, Гросфъ, не возможно купить;
Сокровища, Ликторъ — заботы крылатой
Не могутъ отъ Царскихъ дворцовъ удалить!

Кто въ хижинѣ бѣдной доволенъ судьбою,
Кто весель за дѣдовской чашей вина:
Тотъ счастливъ, — и страхъ съ потаенной тоскою
Не могутъ похитить пріятнаго сна.

Почто же въ короткое время сей жизни
Мы жертвуемъ счастьемъ надеждамъ пустымъ?
Почто же мнѣяемъ край милой отчизны
На страны, согрѣтыя солнцемъ другимъ?

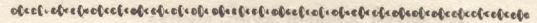
Забота плыветъ по волнамъ съ кораблями,
За всадникомъ въ битвѣ летитъ средь мечей;
И серныя легконогихъ и Евра, грядями
Гонящаго тучи, забота быстрыхъ!

Нѣтъ чистаго блага! Судьбы отказали!
Скорый же цвѣтами чело обовьемъ;
Улыбкой прогонимъ заботы, печали,
И розу цвѣтущую нынѣ сорвемъ!

Взять рано могилѣй Ахиллъ знаменитой,
Титоиа суровая старость томить:
Кто знаетъ, что рокомъ въ грядущемъ сокрыто?
Тебѣ въ чемъ откажетъ — меня надѣлать.

Тебя украшаютъ червленныя ткани;
Тебя въ колесницѣ конь гордый несетъ;
Со стада собираешь обильныя дани;
Тебѣ гроздь Фалерна роскошный цвѣтеть:

Я, въ Тибуръ, скромномъ удѣль Фортуны
Съ цѣвницею сельской вкушаю покой;
Мнѣ сладостны лиры лезбосскаго струны,
Пою — и смѣюсь надъ безумной толпой.

ТОВАРИЩАМЪ.

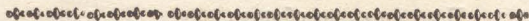

Друзья ликуйте, наслаждайтесь
Летучимъ счастьемъ бытія,
Любовью братской унивайтесь,
Доколь глѣсна соловья
Вамъ въ сердце радость проливаетъ,
Доколь прелестью блистаетъ
Невинной юности заря!
Да оснѣваетъ кудри ваши
Изъ розъ и ландышей вѣнокъ;
Цѣдите съ громкимъ кликомъ въ чаши
Багряный винограда сокъ!
Пусть ваша жизнь блеститъ, свѣтлѣетъ
Какъ чистый ключъ въ лугу цвѣтномъ,
Пусть радость васъ, какъ мать, лелѣетъ
Своимъ живительнымъ крыломъ!
Для дѣлъ великихъ и священныхъ,
Для дѣлъ безсмертьемъ озаренныхъ,
Для славы блага Царя,
Растите, мышцы укряпая,

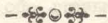
Въ науки алчный взоръ вперяя
И нѣжной дружбою горя!
Стремитесь къ истиннѣ высокой,
Къ блестящей метѣ бытія —
И счастье — спутникъ вашъ, друзья,
И слава — вашъ удѣлъ... а я,
А я, угрюмый, одинокой —
Не долго цвѣсть мнѣ на землѣ,
Я мраченъ, дикъ; ланиты впали,
И руки скорби начертали
Бразды на пасмурномъ челѣ.
Душа трепещетъ и нѣмѣетъ,
Въ костяхъ струится огонь и хладъ;
Померкли очи: тусклый взглядъ;
И грудь заныла, цѣпенѣетъ,
И въ сердцѣ тайный страсти ядъ.
Вотще мечтаю, вдохновенный,
Порой о славѣ, о священной
Небесной дружбѣ: злой недугъ,
Какъ змѣй, всю плоть мою терзаетъ,
Въ отчаяньи мятется духъ,
И жизнь примѣтно утекаетъ,
И жарь къ прекрасному потухъ...
И горько плачу я порою, —
И кто же, кто своей рукою
Мнѣ слезы съ нѣжностью отретъ?
Кто, сострадательный, сольетъ
Свою слезу съ моей слезою?...

Чего ишу, не обрѣту;
И рано, рано отцвѣту,
Сраженный смертною косою
Еще въ пльнительной весѣ;
Умру въ дали отчизны милой, —
Злосчастный, въ чуждой сторонѣ —
Умру — и надъ моей могилой
Кто, кто поплачетъ обо мнѣ?

К У Ч У М Ъ.

Ночь мрачной ризой облекла
Холмы, дуга и боръ дремучій;
Черныя вранова крыла
Клубятся и бунтуютъ тучи;
Перуна гласъ гремитъ въ горахъ
И рветъ молнія змѣями,
И съ листьями взвѣвая прахъ
Качаетъ Позвиздъ сосны главами.
Грозы сугубя ярый вой,
Клокочетъ Обь; валы съдые,
Катятся шумной чередой,
Бѣютъ о скалы вѣковья.
Но кто на брегъ семь крутомъ,
Въ нѣмля погруженной думы,
На шуйцу преклоняся челомъ,
Какъ призракъ блѣдный и угрюмый
На камнѣ мшистомъ возсѣдить?
Шипя въ водахъ перуны блещутъ,
Надъ нимъ маститый кедръ скрипитъ,

У ногъ валы, холмясь, хлебещутъ.
Въ лѣсу, отъ старца не вдали,
Я зрю Агаряне толпою
На мхъ росистыя земли
Почіютъ сладко подъ грозою.
Уже потухъ въ костръ огонь,
Чуть паръ вѣется синимъ клубомъ,
И одинокій дремлетъ конь
Понуривъ голову подъ дубомъ.
Почтожь сей мужъ въ пошочной мглѣ,
Съ лицемъ суроваго Героя,
Съ печатью скорби на чель,
Одинъ бѣжить одра покоя?
Или ему отраднѣй сна
Внимать какъ осень въ дѣбряхъ свищетъ
И зрѣть какъ пѣною волна
Вздываясь на каменья прыщеть?
Ахъ! уврачуешь ли покой
Сердца кручинаго томимы?
Сей старецъ съ міромъ и судьбой
Въ бореніи неизнуримый,
Изъ милой родины бѣглець,
Отъ хлада вретичемъ прикрытый,
Сей Царь утратившій вѣнецъ —
Кучумъ, страдалецъ знаменитый!...
Напрасно буйный вихрь крыломъ,
Браду съдую возвѣваетъ,
Напрасно востъ лѣсъ крутомъ,

Онь реву бури не внимаешь;
При синемъ заревѣ небесъ
Сидитъ онъ хладный, недвижимый,
Какъ сей гранитовый утесъ
Грядюю бѣлыхъ волгъ дробимый.
Какъ пѣкій смутный, давній сонъ
Въ умѣ былые будить годы.
Супруги, чада, ханскій тронъ,
Сибирь, несчетные народы,
И все мелькнувшее какъ дымъ
Дни мира, брапей рядъ крововой —
Все воскресаетъ передъ нимъ
Съ его безславіемъ и славой.

« Сверхилось! — Стонетъ подь яромъ
« Сибирь закованная въ цѣпи! . . .
« Оплоты рушены врагомъ.
« Снѣга, дубровы, горы, степи,
« Ни что не оградило насъ!
« Низпалъ ударъ не отразимый;
« Правдивъ шамановъ вѣщій гласъ;
« Судьбы небесъ неумолимы.
« Свирѣпой местию дыша,
« Пылая къ родинѣ любовью,
« Безплодно берегъ Иртыша
« Я утучилъ невѣрныхъ кровью.
« Вотще сердитая рѣка
« Позоръ Кучума отомстила

« И съ дикимъ ревомъ Ермака
« Въ кипящей хляби поглотила!
« Я мнилъ, что плачемъ и мольбой
« Суровость Алмы преклонилась,
« Что къ вражьей гибели со мною
« И буря въ гнѣвѣ ополчилась;
« Самъ Богъ рѣки, мечталось мнѣ,
« Десницею вздымая воды,
« Слѣщу на радость, въ глубинѣ
« Погребъ чудовище природы. —
« Выграло сердце, бодро вспитъ
« Притекъ я въ Искеръ опустельный,
« Внець Чипчиса воспріять
« И състь на тронъ осиротѣлый.
« Казалось, туча пронеслась;
« Вновь покорились мнѣ народы,
« Вновь надъ отчизной занялась
« Заря багряная свободы. . . .
« Увы! паря надъ Иртышемъ,
« Съ горящимъ взоромъ изступленья,
« Призраки витязей съ вождемъ
« Вошли Русскимъ: братья, мщеня! . . .
« И Русь призывный кличъ вяла,
« И вновь къ борьбѣ кровопролитной
« На берегъ Оби притекла —
« Свобода съ властью ненасытной.
« Съ зари до мраковъ бой кипѣлъ,
« Ущипся доль кровавымъ токомъ,

« Все стибло, . . . грозный часъ приспѣлъ,
« Отрицуть я; забвенъ пророкомъ,
« Булатъ Россійскій насыщенъ;
« Всѣ, всѣ мои избиты слуги;
« Влекутся въ вѣчный, вѣчный плывъ,
« Въ чужбину дальнюю, супруги;
« Лишь я среди мечей и стрѣль,
« Напастями непобѣдимый,
« Я, старецъ ветхій, уцѣлѣлъ
« Для новыхъ мукъ судьбой щадимый!
« Сія ли мзда, о Магометъ!
« Моимъ молитвамъ сокрушеннымъ?
« Сего ль я ждалъ, воюя свѣтъ,
« Подъ знаменемъ твоимъ священнымъ,
« Съ мечемъ въ рукахъ, неся коранъ,
« Кумиры дикихъ повергая
« И мраки полунощныхъ страгъ
« Лучами вѣры проясняя.
« Гдѣжъ всѣ плоды моихъ побѣдъ?
« Гдѣ мощь Кучумовой державы?
« Гдѣ обтекавшіе весь свѣтъ
« Отзвуки громозвучной славы?
« Увы! отъ всѣхъ безцѣнныхъ благъ
« Осталось бѣдное названье —
« И мрачное на ихъ гробахъ
« Сѣднѣть одно воспоминанье!
« Сія златомъ и серебромъ,
« Сибири щедрыми дарами,

« Приютомъ счастья былъ мой домъ
« Отъ бурь хранимый небесами.
« Во дни покоя — нѣги сынъ,
« Строптивыхъ тяжкій бичъ во брани,
« Племень несмѣтныхъ властелинъ
« Я возвеличилъ тронъ Шейбани.
« И трепеталъ надменный врагъ
« При имени моемъ. . . а нивъ
« Ахъ! все исчезло, все какъ прахъ
« Крутимый вихремъ по пустынь!
« И что же? въ память лѣтъ златыхъ
« Лишь тридцать вѣрныхъ слугъ, три сына
« Въ усладу тяжкихъ бѣдъ моихъ
« Дала мнѣ алчная судьбина. . .
« Печальный даръ! . . . Отраднѣе сонъ
« Надъ ними сладостно летаетъ,
« И громъ и мой тяжелый стонъ
« Покоя ихъ не прерываетъ.
« Былъ у меня, алмазъ семьи,
« Другъ сердца отчаго избранный,
« Сыпъ Асманыхъ, въ златые дни,
« Всещедрѣмъ Амлой низпосланный;
« Румянѣ зари сіялъ
« Онъ лика свѣжею красою;
« Въ немъ я ограду почерпалъ
« Подъ гнѣтомъ зольъ кривляя душою,
« И дряхлѣй я при немъ юнѣлъ
« Подъ бѣлоснѣжными власами;

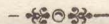
« И рой надеждъ въ груди кипѣлъ,
« И волновался духъ мечтами:
« Воскресну я въ его сыпахъ,
« Порой меня ласкала дума,
« И въ дальныхъ прогремѣть въкахъ
« Молва о доблестяхъ Кучума!!!
« Но чтожь? и Асманяхъ, и онъ
« Похищенъ, отягченъ цѣлями!!
« Ктожь мой разсѣтъ скорбный стоишь?
« Кто растворитъ печаль слезами?
« Ко чьей, ко чьей груди прильнуть
« Слышецъ бездомный, одинокій?...
« Кто сердобольный, перейметъ
« Глубокомъ вздохомъ вздохъ глубокій?
« О горе, горе мнѣ!... и врагъ
« Укрыть въ гнѣздѣ отъ бури хладной. —
« А я могущій древле ханъ,
« Днесъ безпріютный, безотрадной,
« Одинъ, сѣдаемый тоской
« Сижу несчастьемъ обреченный,
« Одинъ, одинъ во тьмѣ почной,
« Имѣвший все, всего лишennyй!!
« Въ моихъ очахъ померкнулъ свѣтъ,
« Кручина слезы засушила,
« Рукой железною хребетъ
« Къ сырой землѣ бѣда склонила;
« Глубоко въ блѣдное чело
« Браздами вгрызлися морщины!

« И бурь дыханье разнесло
« Мои послѣднія сѣдины!!
« Мнѣ славятъ Бълаго Царя,
« Гласятъ: какъ солнце всѣмъ сіяеть
« Такъ онъ, добро одно творя,
« Враговъ прощеніемъ караетъ.
« На страшный берегъ сей ко мнѣ
« Предсталъ посолъ отъ воеводы,
« Мнѣ предръкалъ въ чужой странѣ
« И честь и радости свободы!...
« Свободы радости!... Увы!
« Не дважды насъ она лелѣтъ.
« Не ей процвѣсть въ стѣнахъ Москвы;
« Скорѣй, скорѣе почернѣтъ
« На семь чель сребристый вѣсть,
« Иль свѣтомъ око воспалится
« Иль съ новой лютостью на насъ
« Ермакъ возгрянувъ ополчится! —
« За плѣнь супругъ, за гибель чадъ
« Несытой местію пылая,
« Пойду ли въ ненавистный градъ —
« И тамъ у трона повергалъ,
« Владыки грознаго къ стопамъ
« Мою главу, на мѣсто дани,
« Прижмуль къ трепещущимъ устамъ
« Кровавыя убійцы длани?
« Нѣтъ, нѣтъ! Пусть чаша горькихъ золь —
« Судьбою на меня излита;

« Пусть ниспровергнуть мой престолъ,
« Пусть всѣ отринули меня
« Досель вѣрные народы ;
« Но ты не узришь, о злодѣй,
« Рушитель вольности священной,
« Главы безвласыя моей
« Клеймомъ страданій очерненной.

ПѢСНЬ НЕБА.

Въ свѣтломъ хорѣ солнць лучезарныхъ висится лебо,
Крутое, неизмѣримое, образъ міровъ первородный,
Всѣхъ совокушность красоть, которыя быстрымъ по-
токомъ

По безпредѣльности вкругъ разливаются съ отблескомъ
неба.

Стройно вратится оно: съ рокотаньемъ на крыльяхъ в-
тровъ;

Къ берегу солнць отъ него сладкозвучное катится пьнье,
Мѣрно плывущихъ міровъ. Умиленные лики безплот-
ныхъ

Гласъ ихъ бряцающихъ аръѣ оживляютъ сей хоръ со-
вокушный.

Вѣчный Творецъ какъ торжественный гимнъ славосло-
вія внемлетъ,

Какъ плывають очи Его ослабляясь вселенной,
Тако и уши Его пѣсноупные сверь усаждаетъ.

Ты, которая внушаешь высокія пѣсни,
Внемлешь безсмертнымъ, Бога зришь, Серафимовъ по-
друга,

Гимнъ воспѣваемый небомъ повѣждь мнѣ, жилища Сіона
Свѣтлое царство явленій Господнихъ, святись и кра-
суйся!

Здѣсь мы Господа зримъ, какъ Онъ есть, какъ Онъ былъ,
какъ Онъ будетъ,

Видѣ Блаженнаго безъ облаченья, безъ сумрака даль-
ныхъ

Мглою покровенныхъ міровъ. Здѣсь мы Тебя созерцаемъ
Въ сонмѣ избранныхъ, Тобою блаженству небесъ при-
общенныхъ.

Сколь безконечно Ты совершенъ! Тебѣ нарицаеть
Небо, Тебѣ неизреченному имя Егова ;

Наша пѣснь сладкогласная, въ смѣломъ паренъ восторга,
Ищетъ Твой образъ : но тщетно. Вперясь въ глубину
Твоей славы,

Мысли едва къ Твоему Божеству воскрылится дерза-
ють.

Въ дивномъ величій Ты лишь единъ совершенъ, При-
носущій !

Мысль, которою Ты бытіе свое прозрѣваешь,
Коль возвыщеннѣй, коль святѣе таинственной думы,
Дивное, коль святѣй, возвыщеннѣй тайнаго взора

Обряцаемой свыше Тобой съ существомъ сотвореннымъ!
Но Ты благоволилъ, и кромѣ Тебя существа зрѣть

И на нихъ низпослать съ благодатно духъ животворный
Небо Ты создалъ въ началъ, тамъ насъ обитателей неба.

Быль еще часъ ванъ далекъ, земля, дщерь юная свѣта,
Солнце и мѣсяцъ, текущіе купно съ блаженной землею.

Первенецъ міра, что было съ тобою при рожденъи,
въ день тотъ

Какъ, пролетѣвшій вѣчности, Богъ къ тебѣ низпустился
И святою обителью славы Господней украсилъ ?

Своды твои необъятные, къ новой возванныи жизни,
Тихо скруглялись, приѣмля свой образъ; еще разносился
Творческій гласъ при первомъ звукѣ кристальнаго моря;
Ихъ берега, какъ міры взгроможденные слышали гласъ
сей,

Но ни единый безсмертный! Тогда стоялъ Ты, Зиди-
тель,

На вельяномъ, новомъ престолѣ себя созерцая,
Въ дивномъ безмолвіи. О восклицайте предъ мысля-
щимъ Богомъ.

Ахъ ! въ сей радостный мигъ онъ васъ сотворилъ, Сера-
фимъ,

Разума полныхъ и силы могущей Создателя мысли
Имъ отъ себя излиянныи въ васъ, постигать въ умиленьи,
Аллилуія, хвалебное Аллилуія; Всевышній,
Присно Тебѣ воспоеется отъ насъ. Бездонной пустынь
Рекъ Ты : не буди ! и тварямъ : раститеся ! Аллилуія !

Предисловіе V
 Мигнон изъ Гёте (1825) 3
 Лакмъ-и-Геръ изъ Байрона 5
 Фіалка, изъ Валтера Скотта (1824) 10
 Плачь Ярославны 11
 Къ Постуму, изъ Горація Lib. II. Ode XI. 14
 Элегія М. С. К.—в. 17
 Весенній Вечеръ, изъ Матиссона (1825) 18
 Пляска, изъ Шиллера (1826) 20
 Дума злодѣя (1827) 22
 Дѣва изъ чужбины, изъ Шиллера (1825) 23
 На новый годъ, (1830) 25
 Спокойствіе, съ Ньлсецаго (1826) 28
 Древняя Греческая пѣсня, съ Греческаго 33
 Прекрасная ночь, изъ Гёте (1825) 35
 Младенчество, изъ Матиссона (1824) 36
 Къ другу (1827) 47
 Къ Мельпомень, изъ Горація Lib. IV. Carm. III.
 (1825) 50
 Стансы М. С. К.—в. (1826) 52

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе V
 Мигнон изъ Гёте (1825) 3
 Лакмъ-и-Геръ изъ Байрона 5
 Фіалка, изъ Валтера Скотта (1824) 10
 Плачь Ярославны 11
 Къ Постуму, изъ Горація Lib. II. Ode XI. 14
 Элегія М. С. К.—в. 17
 Весенній Вечеръ, изъ Матиссона (1825) 18
 Пляска, изъ Шиллера (1826) 20
 Дума злодѣя (1827) 22
 Дѣва изъ чужбины, изъ Шиллера (1825) 23
 На новый годъ, (1830) 25
 Спокойствіе, съ Ньлсецаго (1826) 28
 Древняя Греческая пѣсня, съ Греческаго 33
 Прекрасная ночь, изъ Гёте (1825) 35
 Младенчество, изъ Матиссона (1824) 36
 Къ другу (1827) 47
 Къ Мельпомень, изъ Горація Lib. IV. Carm. III.
 (1825) 50
 Стансы М. С. К.—в. (1826) 52

Предисловіе	V
Мигнон изъ Гёте (1825)	3
Лакмъ-и-Геръ изъ Байрона	5
Фіалка, изъ Валтера Скотта (1824)	10
Плачь Ярославны	11
Къ Постуму, изъ Горація Lib. II. Ode XI.	14
Элегія М. С. К.—в.	17
Весенній Вечеръ, изъ Матиссона (1825)	18
Пляска, изъ Шиллера (1826)	20
Дума злодѣя (1827)	22
Дѣва изъ чужбины, изъ Шиллера (1825)	23
На новый годъ, (1830)	25
Спокойствіе, съ Ньлсецаго (1826)	28
Древняя Греческая пѣсня, съ Греческаго	33
Прекрасная ночь, изъ Гёте (1825)	35
Младенчество, изъ Матиссона (1824)	36
Къ другу (1827)	47
Къ Мельпомень, изъ Горація Lib. IV. Carm. III. (1825)	50
Стансы М. С. К.—в. (1826)	52

Могущество пьснопвнїа, изъ Шиллера (1830) ..	54
Могла изъ Салиса (1823)	57
Дѣтство, съ Ньмецакаго	59
Осенній вечеръ, съ Ньмецакаго	62
Въ Альбомъ сестръ (1827)	64
Богу	66
Пѣвецъ, изъ Гёте (1825)	67
Къ Гросю, изъ Гораціа Lib. II. Сарт. XIII. (1824)	69
Къ товарищамъ (1826)	71
Кучумъ, Дула (1826)	74
Пѣснь Неба, изъ Мессїады Клопштока (1826)	83
18	
20	
22	
24	
26	
28	
30	
32	
34	
36	
38	
40	
42	
44	
46	
48	
50	
52	

0101

[Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page. The text is too light to transcribe accurately.]

